

Быт и бытие

Воз. Москва, — 1995. — 19 апр. — 3.

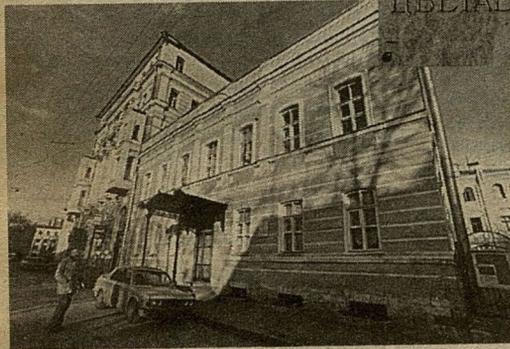
Маринин дом

Обитель, с поэзией навеки обрученная

Дом № 6 по Борисоглебскому переулку (ул. Писемского), одному из старейших переулков Арбата... Назывался он так по церкви Бориса и Глеба, находившейся неподалеку. Дом этот построен во второй половине XIX века и интересен тем, что несет на себе печать двух архитектурных стилей: классицизма и раннего модерна. Квартиры в нем когда-то сдавались внаем.

Самую фантастическую и головокружительную планировку имеет квартира № 3. Сюда переезжает в 1914 году двадцатидвухлетняя Марина Цветаева с мужем Сергеем Яковлевичем Эфроном и маленькой дочкой Алей. Здесь она проживет до мая 1922 года. Этот дом Марина Ивановна называла «мой дом» и обустроивала его с большой любовью. «Колодец уюта и волшебства... кусок замка». В разное время сюда приходили Бердяев, Волошин, Антокольский, Завадский, Сонечка Голидэй, Мандельштам, Пастернак, Эренбург и многие другие.

В советское время дом пришел в запустение. Здесь были коммуналки. А после расселения он подлежал сносу. Но энтузиасты отстояли. Много усилий приложила к этому Надежда Ивановна Катаева-Лыткина. Лет шесть назад я приезжала сюда с автобусной экскурсией «Москва Цветаевой». Мы выходили около этого дома, осматривали его со всех сторон и пытались представить, каким же он был, когда здесь жила Марина. Воображения не хватало. Уж слишком жалким он был снаружи, вызывал

чувства горечи и боли.

Но вот дом отреставрирован. И я вместе с сотрудником музея Еленой Кокуриной отправляюсь в путешествие по «кораблю».

Квартира № 3. Проходим в столовую через дверь, похожую на срезанный нос корабля. Дверь была стеклянная, в стиле модерн. В этой комнате нет привычных боковых окон. Единственный источник естественного света — потолочное окно-фонарь. Вечерами, когда семья собиралась за ужином, в комнату через это окно при яркой луне спускалось голубое сияние. Мебель старинная, красного дерева.

По свидетельству современников все это как бы плавало в синеве, и создавалось впечатление, что находишься на дне морском. Я невольно подумала: Марина — морская. Совпадение? Прелесть комнате придавал и камин. Здесь собирались те, кого любила Марина Ивановна. Звучали ее стихи.

Мы проходим в темную уютную гостиную. Обои винно-красного цвета. Окно нет вообще, три белые распашные двери: в столовую, кабинет Марины Ивановны, в детскую. В углу гостини стояли рояль с инкрустацией из тарусского дома, нотная этажерка. На полу медвежьи шкуры. Вот и все убранство. На стене — портрет князя Сергея Михайловича Волконского, большого друга Марины Ивановны, который часто бывал здесь. После долгих бесед они иногда играли в четыре руки сонаты Бетховена. Дружба сохраняется и после отъезда за границу. В 1924 году выдет книга Сергея Волконского «Быт и бытие», которую он посвящает Цветаевой. В ней будет описан случай, происшедший в этом доме, когда

уже все было в запустении. В квартиру забрался грабитель. Марина Ивановна была дома. Она пригласила его посидеть, спорила с ним. Уходя, вор предложил взять от него деньги. Автор книги, обыгрывая ее название, напишет: «Его приход был бытом, а уход — бытием».

Мы проходим в небольшую, уютную комнату с низким потолком, напоминающую монастырскую келью. Самая любимая комната. В ней одиннадцать углов, альков, небольшое окошко в углу. В этой комнате — все из ее стихов. Здесь жила душа поэта. В алькове будет поставлена шарманка красного дерева, а на ней граммофон «с деревянным вишневым горлом», где жили голоса цыганок. По-разному работают поэты. Марина Ивановна — всегда за письменным столом. Позднее она напишет: «Мой письменный верный стол». На столе стояли любимые вещи: глиняная птица Сирин посеребренная, пресс-папье «Нюрнбергская дева».

Из окна виден двор, под окном росла рябина. Случайно или нет? Рябина и бузина — самые любимые деревья Марины Ивановны. Илья Эренбург напишет в своих воспоминаниях о Цветаевой: «Вся она — от жаркой рябины молодости до последней кровавой бузины». По свидетельству близких, Марина совсем не любила срезанных цветов. Любила деревья, кустарники за их мускулистую, надежную. Великолепный цикл стихов ее посвящен деревьям.

Что в вашем веянье?

Но знаю — лежите

Обиду Времени

Прохладой Вечности.

Книжный шкаф в форме киота. В нем любимые книги. Среди них — «Илиада», Гете, Гейне, Ростан, «Слово о полку Игореве», Жуковский, Державин, «Дневник Марии Башкирцевой». А вот диван, покрытый рыжим рядом. Был плюшевый плед золотисто-коричневого цвета. Это последний подарок отца. Его Марина Ивановна в 1922 году возьмет с собой за границу. У дивана — волчий мех.

«С большою нежностью, потому,
Что скоро я уйду от всех,
Я все раздумываю,
Кому достанется волчий мех,
Кому разнеживающий плед».

В кабинете висела екатерининская хрустальная люстра синего цвета.

Я прохожу в самую большую комнату. «Алино детство» — так ее называла Марина Ивановна. Здесь был устроен «рай детского житья». На полу лежал большой серый ковер, на каждом окне стояла клетка с живой белкой. Волчий мех на полу, чучело лисы, черепаха, дымчатый кот Кусака, попугай. Здесь устраивали новогодние елки и справляли Рождество.

Я поднимаюсь в комнату, которую Марина Ивановна называла «моя кухня». Вещей еще почти нет. Но сама комната настолько выразительна и эмоциональна, что нетрудно представить: «моя кухня, залитая солнцем, то луною, а после революции и водою, с большой разлитой плитой с изразцами, которые напоминают иллюстрацию Доре».

Наше путешествие по «дому-кораблю» завершается «в чердачном дворце». Эту комнату в 1914 году облюбовал Сергей Яковлевич Эфрон. Здесь был его кабинет. В комнате два окна. Одно на привычной высоте. Другое — окно в небо.

«Высоко мое оконце

Не достанешь перстеньком

На стене чердачной солнце

От окна легко крестом».

Если прийти сюда в солнечный день, то можно увидеть четкий световой крест на противоположной чердачной стенке, который постепенно перемещается. Над диваном — прекрасно выполненное чучело орла. В Сергее Яковлевиче всегда жила жажда подвига. Стены смотрели лицами любимых героев. Старинные гравюры в богетных рамках — Кутузов, Нахимов, Суворов,

Корнилов. В 1914 году Сергей Яковлевич уйдет отсюда на фронт. После революции, когда «и люди и вещи сорвались с места», и в доме появятся квартиранты, Марина Ивановна с детьми будет жить то в темной гостиной, то в кухне, то в столовой. Какое-то время она жила в комнате-каюте. Это описано и в прозе, и в стихах.

Чердачный дворец мой, дворцовый

чердак!

взойдите: гора рукописных бумаг...

— Так! — Руку! — Держите направо!

Здесь лужа от крыши дырявой.

Теперь полюбуйтесь, воссев на сундук,

Какую мне Фландрию вывел паук.

Не слушайте толков досужих,

Что женщина может без кружев...

Павел Антокольский в своих воспоминаниях об этой комнате напишет: «Поднимаюсь по лестнице. Прохожу в комнату, которая напоминает мне каюту корабля вне географических координат. Ощущение каюты столь сильно, что закрываю глаза и кажется, что над старым домом надуваются паруса и можно даже выйти на палубу корабля».

Наступит 19-й. И эту комнату, и этот дом уже не узнать. «Муки нет, хлеба нет... на чердак лестницы нет — спалили. Я сама подтягиваюсь на веревке».

Весной 1922 года Марина Ивановна с Алей уезжает за границу. Стены этого дома помнят молодую счастливую Марину. Здесь как бы окреп ее голос, приобрел неповторимые цветаевские обороты.

Сейчас дом переживает второе рождение. Еще не завершена экспозиция Дома-музея М.И. Цветаевой. Но уже с 1993 года работает культурный центр. Ежегодно в день рождения Марины Ивановны открываются научные конференции. Гордость дома — библиотека и архив. Проводятся выставки документов из архивов русского зарубежья. Работает книжный киоск, где продаются книги, посвященные Марине Цветаевой, ее окружению, Серебряному веку. Дом ежегодно проводит памятные даты семьи Цветаевой и ее близкого окружения: это вечера посвященные Борису Зайцеву, Анастасии Цветаевой, Борису Пастернаку. Здесь встречаются московская интеллигенция и молодые поэты. Работает «Кафе поэтов». Ежемесячно проводятся бесплатные музыкальные и литературные вечера для ветеранов войны: Дом начал работу с нуля, но здесь все, кроме книг, бесплатно. Вот такая отличительная особенность у этого Дома. Некоторые издания выходят за счет спонсоров. Большую помощь Дому оказывает префектура Центрального округа, непосредственно А.И. Музыкантский. Сейчас им дали беспроцентный кредит на издание воспоминаний об Анастасии Ивановне Цветаевой.

Я вышла на улицу. Шел мокрый снег. Все житейские проблемы ушли. О них не хотелось даже вспоминать. На душе было светло и радостно. Перешла на другую сторону улицы. Остановилась. Смотрю на дом-корабль. Счастливого тебе плавания! Я верю, что ты преодолешь все штормы и тебе не страшны никакие бури.

Татьяна КАЛМЫКОВА
Фото В. БОНДИКА
Рисунок О. КАНДАУВА